

ЖИЗНЕУТВЕРЖДАЮЩЕЕ НАЧАЛО В РАССКАЗЕ А. АМИНЕВА «ТРИЖДЫ СЕМЬ»

Абдуллина А.Ш.¹

¹*Бирский филиал ФБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», Бирск, Россия, (452453, Башкортостан, г. Бирск, ул. Интернациональная, 10), e-mail :academy@birsk.ru*

Для осознания современного состояния башкирской прозы, выработки принципов подхода к системно-типологическому ее изучению в статье основное внимание сосредоточено на поэтике рассказа А. Аминева, чье творчество не только сыграло определенную роль в развитии современной прозы, но и стало репрезентативным для философско-эстетического мировоззрения современности. Между тем многие аспекты его прозы не всегда попадали в фокус литературоведческих интересов. Рассказ «Трижды семь» воссоздает культурную атмосферу эпохи, отражает субъективно-авторский взгляд на литературную ситуацию в Башкортостане на пороге нового тысячелетия, дает представление об эволюции историко-литературного процесса. Противоречия времени выразились в башкирской литературе рубежа веков в целом и в творчестве А. Аминева. Рассмотрение особенностей художественного мира яркого представителя современной башкирской прозы в аспекте поэтики может привести к определению существенных черт национальной литературы.

Ключевые слова: башкирская литература, поэтика, рассказ, символ.

LIFE-ASSERTING BASIS OF A.AMINEV'S STORY «THREE TIMES SEVEN»

Abdullina A.S.¹

¹*Birsky branch of BashSU (452450, Republic of Bashkortostan, Birsk, Internatsionalnaya St., 10) e-mail: academy@birsk.ru*

For realizing the contemporary state of Bashkir prose, working out the principles of the approach to the system-typological analysis the article concentrates on the poetics of Aminev's story, whose works not only played a definite role in the contemporary prose's development, but became representative for philosophic and aesthetic outlook of the present. Meanwhile, many aspects of his prose were out of literary focuses. The story "Three times seven" recreates the epoch's cultural atmosphere, reflects the author's subjective view on Bashkortostan's literature on the threshold of a new millennium, gives an idea of the historical and literary process' evolution. On the whole Aminev's creative work reveals the time's contradictions. The consideration of the art world's peculiarities of the Bashkir contemporary prose's outstanding representative may lead to the determination of the national literature's essential traits.

Keywords: Bashkir literature, poetics, story, symbol.

А. Аминев – один из самых своеобразных художников слова. Прозаик нового этапа башкирской литературы, он все чаще привлекает внимание исследователей и читателей [6]. Самобытность писателя подтверждается уже тем, что его творчество не укладывается в жесткие рамки реализма. А. Аминев в жанровых исканиях переключается и с опытом старшего поколения писателей в их новых произведениях (М. Карим, Н. Мусин, А. Хакимов Т. Гиниятуллин), а в проблематике, в структурно-стилистических приемах и многих концептах своей художественной системы – с условно-метафорической прозой. Исключая прямые параллели и сходства замыслов в пространстве новой художественной мысли, при углубленном рассмотрении прозы А. Аминева можно увидеть его близость к традиционному реализму («Трижды семь») и неповторимость его пера.

Любимые герои А. Аминова, натуры деятельные и цельные, покоряют читателя внутренней силой, заражают своей неутомимой энергией. Изображая характеры, имеющие тесную взаимосвязь со средой, писатель поднимает целый ряд общечеловеческих и социально-исторических проблем, таких, как роль семейной традиции и ее преемственность, связь поколений, своеобразие и специфика народной жизни и национального характера и т. д. Все эти проблемы нашли художественное отражение в его творчестве.

Излюбленным жанром А. Аминова становится рассказ, который позволил писателю в малом объеме изображения ставить и решать и конкретные, и общие проблемы человеческого бытия, что достигается не только характером пространственно-временных отношений, но и конструктивным построением прозы, своеобразием авторского, лирического и комического начал. Рассказ – это та жанровая форма, в которой талант писателя проявляется наиболее ярко. А. Аминев пробует известные ему приемы и средства лаконичного сюжета, экспериментирует, осваивает этот жанр. Поэтику рассказа можно проследить на примере произведения «Трижды семь».

Постичь таинство смерти раньше времени человеку не дано, но отношение к смерти, ее предчувствие и ожидание нередко становится предметом художественного осмысления. Заглавие рассказа «Трижды семь» становится организующим элементом текста: «Это проявляется не только в том, что, прочитав текст, читатель ретроспективно осмысливает заголовок в связи со всем текстом художественного произведения, но и в том, что заголовок в полной форме или в модифицированной, функционирует в тексте как одна или несколько номинаций и, таким образом, заголовок участвует в семантической организации текста» (4; 45).

Следуя традициям устного народного творчества, Амир Аминев часто использует числа три и семь. В любой период истории человечества в фольклоре, искусстве, религии разных цивилизаций встречались символические числа, которые относили к области тайного, сакрального, как будто они выражали какие-то знания о Земле и Вселенной. Например, число три означало созидание, обновление, оно выражало единство тела, души и духа. Ислам, христианство и иудаизм признают семиэтапный акт создания Вселенной. У всех народов число семь имеет особенный смысл. Согласно исламу, имеется семь небес; попадающие на седьмое небо испытывают высшее блаженство. Поэтому число «семь» – это священное число ислама.

Число семь становится загадкой для старика Билала, главного героя рассказа «Трижды семь»: «любит тебя цифра семь, дойдешь ты с ней до трех семерок, вот что сказала ему цыганка. Не понял Билал, что значат эти три семерки. «Ты, – говорит, – ясней скажи. Седьмой год, может, или седьмой месяц. Седьмое число, – пояснила цыганка, – конец твоей

жизни в этих семерках, когда рядом встанут они». Не поверил Биалал, и все же словно бальзам на душу были эти слова. К шестидесяти его годам прибавить семнадцать лет – не шутка. Это же до семидесяти семи годков дожить можно, получается!» (1; 183). Оно важно и значимо в произведении. Число три много раз встречается в рассказе: на третий год пенсии со стариком Биалалом случилась трагедия на свекольном поле, три мальчика обидели соседского малыша, три брата будут лежат рядом на кладбище, три раза герой готовится встретить свою смерть.

В рассказе «Трижды семь» речь идет о последнем дне жизни старика Биалала. Он заранее предвидит скорую смерть, семнадцать лет тому назад, когда старик Биалал только вышел на пенсию, загадала ему цыганка, что он умрет: «когда достигнешь возраста трех семерок, тогда вспомнишь мои слова. В дорогу тогда не выходи, гостей не собирай» (1; 183). Герой не испытывает страха перед смертью, понимает ее неизбежность: «В душе спокойно, сердце не мечется, нет и тени сомнения, так что пора умереть. Сколько надо было, столько жил, что положено, то и съедено. Бог дал пожить – грех жаловаться. Воевал, вернулся домой, - не покалечен, не изувечен, троих сыновей вырастил, двух дочерей, всех женил, всех выдал замуж, отдельно все живут. Два дома срубил, ухаживал за отцом-матерью, похоронил их со всеми почестями, работал до пенсии. Всякое было, но язык не повернется сказать, что жизнь не удалась, что не видал того, чего хотел» (1; 180).

Спокойное принятие смерти как неизбежности, завершающей путь человека, народно в своей основе: «По представлениям башкир, как и многих народов, смерть – это причина для «жизни» в другом мире, это возвращение в лучшую, первородную суть. Земная почва – Матерь всего живого, она считалась истинной родиной, с которой человек встречался вновь. Поэтому возвращение на родину, в вечную обитель отмечается праздником» (5; 138).

В рассказе «Трижды семь» А. Аминев отсутствует описание ухода из жизни – оно заменено кратким сообщением о смерти как о свершившемся факте. «В сроке предсказанной смерти Биалал видит предназначенность и не ищет ее избежать, а идет навстречу с полной самоотдачей» (2; 15). Совершенно очевидно, что писателя в большей степени интересует то, что предшествует этому моменту, что чувствовал, о чем думал перед этим старик Биалал. Герой думает о близких, более того, свою заботу проявляет в конкретных житейских делах: пересиливая слабость, строит новый забор, заранее приготовил все, что нужно для похорон. За поступками героя скрывается авторское убеждение в том, что для человека важно прожить жизнь достойно и так же достойно уйти из нее.

Уже в начале рассказа А. Аминев акцентирует внимание на концептуальной значимости символического мотива движения, выражающего жизненную позицию и неопределенное духовное состояние героя: «Сам-то он всю жизнь жил в спешке, ходить не

торопясь, степенно было не его – вечно он куда-то бежал, куда-то спешил. Потому-то прозвали его односельчане: «Живчик» (1; 176).

Начало произведения возвращает читателя к традиционному мотиву в русской литературе. Предсмертный апофеоз человека, испытание его духовности на пороге смерти описывали Л. Толстой, Ф. Достоевский, И. Тургенев, И. Бунин, Н. Лесков, А. Платонов, М. Шолохов, В. Распутин и другие. Образ старика Билала из рассказа «Трижды семь» – живой пример несокрушимости характера сельского труженика, его неисчерпаемой духовной мощи. В то же время он предстает в житейских мелочах, в привычном для себя окружении. А. Аминев находит в духовной жизни старика Билала большое философское содержание.

Характеризуя состояние умирающего старика Билала, А. Аминев использует традиционный для русской и советской литературы, а также для произведений устного народного творчества прием олицетворения смерти, но по-своему обыгрывает его: «Ох, ну почему никак не приходит эта штука по имени смерть? То ли Газраил заплутал по дороге, то ли очередь еще не дошла?» (1; 191). Обычно смерть изображается как безобразная костлявая старуха, наводящая ужас, а в рассказе смерть не пугает героя, он относится к ней с некоторой долей иронии.

Показывая читателю поступки главного героя, рисуя его характер, психологический портрет его личности, писатель подчеркивает в нем национально-стихийные черты коллективного бессознательного. Размышления старика Билала, его суждения о природе человеческих отношений, реакции на факты окружающей жизни – отражение и выражение народно-национальной точки зрения на мир. Умение трудиться, желание помогать другим, доброта соседствуют с неизбывной жаждой жизни, умением приспособиться, сохранять внутреннюю гармонию в трудных условиях существования. Речь героя полна прибауток, поговорок и приговорок, отражающих народное творчество: «на воре шапка горит», «обвела вокруг пальца».

Одно из самых трагических событий в жизни героя – это смерть женщин на свекловичном поле от удара молнии. Легко проследить движение мыслей и чувств старика Билала по внешним признакам: «Когда дым рассеялся, он увидел, что все девять женщин мертвы. Руки его дрожали, из глаз лились слезы, а сам он ползал и ползал на коленях, словно хотел отыскать кого-то, кто остался в живых. Старик, спотыкаясь и падая, то и дело плюхаясь в грязь, подбежал к арбе, сбросил фляги и поехал в деревню» (1; 196).

Герои А. Аминева имеют своеобразные привычки: «Скажет так, да еще и пошутит, мол, не на скамью надо было ложиться, а сразу в гроб, - и ударит себя по ноге. Да, по ноге – он всегда так делает, когда удивляется». (1; 192). Этот прием характеристики действующих лиц путем выделения их индивидуальных черт имеет различные функции: привычка служит

средством индивидуализации; отражает внутреннее состояние болтуна Сагита. Привычки, являясь физическим выражением устойчивых черт характера, отработанной до автоматизма двигательной реакцией организма, существенно дополняют психологическую обрисовку героев. Выразительные движения не только несут информацию о внутреннем мире героя, но и свидетельствуют об авторской оценке.

Автор рассказа «Трижды семь» значительно расширил наши представления о духовном мире человека. Практически ни одно художественное средство, помогающее понять душу героя, писатель не оставляет без внимания. На вооружении у башкирского прозаика богатейший арсенал средств психологического анализа. Если в первых рассказах и повестях он передавал движения душевной жизни преимущественно через внешние признаки, то в рассказе «Трижды семь» он больше изображает сами эти движения, проникая в отдаленные уголки человеческого сознания и подсознания.

Обращается А. Аминев и к другим средствам и приемам психологического анализа. К таким средствам психологического изображения относятся символические детали и образы, которые позволяют передавать полусознанные, интуитивные движения души. Герои рассказа придают большое значение различным приметам, пытаются разгадать смысл самых обычных фактов и явлений.

Человек в повседневной ситуации обычно контролирует поток своих мыслей, управляет ими. Стремясь проникнуть в самые потаенные «уголки» человеческой души, А. Аминев ставит своих героев в экстремальные условия, вследствие чего у них ускоряется движение противоречивых мыслей, чувств, подсознательных импульсов. Человек в таких условиях не всегда может управлять течением внутренней жизни. Вот тогда-то и начинают проявлять себя сознательно или неосознанно скрываемые наклонности. Анализируя рассказ «Трижды семь», Е. Борисова утверждает, что «вещь таинственна и написана просто. С мистикой не заигрывают, а честно фиксируют ее присутствие в повседневности, заставляя соображать, откуда она, эта мистика, исходит – из надмирных сфер или изнутри нас самих, обнаруживая нашу вписанность в эти сферы» (2; 16). Символические детали и образы помогают писателю затронуть те стороны внутренней жизни человека, которые очень трудно поддаются логическому анализу, позволяют выявить тончайшие нюансы переживаний. В рассказе есть символические картины и детали, мистические предзнаменования и предсказания, органично вписывающиеся в художественную ткань реалистического произведения. С первых страниц рассказа начинает угадываться трагический финал.

Трагический финал предсказывает птица сорока, которая встречается в рассказе в переломные моменты переживаний старика Билала. В русле народно-поэтических традиций рисует сороку А. Аминев. В германской мифологии сорока была как посланцем богов, так и

птицей богини смерти Гелы, за что считалась в Европе вестником беды. Сорока-«воровка» была непопулярна в средневековье ещё потому, что считалась питомцем ведьм. С сорокой связано множество примет, и все они, как правило, дурные. Объяснить это можно тем, что, во-первых, сорока будто бы была единственной птицей, не пожелавшей войти в Ноев ковчег. Она притаилась на верхушке ковчега и смеялась над погибающим миром. А во-вторых, считается, что у нее под языком находится капля крови царя преисподней, и именно поэтому сороку называют птицей дьявола, предсказательницей смерти.

Символические образы перепелки и сороки, многозначные по своим функциям, органично входят в образную структуру рассказа. Образы-символы в рассказе конкретны, но в то же время несут в себе обобщенно-философский смысл, что позволяет глубже выразить идею произведения в целом. Загадочное совпадение предсказания цыганки и действительности выполняет в рассказе и другую функцию – мистически предопределяет финал рассказа.

Стремление постичь тайну человеческой жизни, критического, переломного состояния психики человека, находящегося на грани в борьбе сил жизни и смерти, вынуждает А. Аминеву искать новые, порой необычные художественные средства, как символические детали и мистические предсказания. Проникнутое атмосферой таинственности изображение подсознательных, интуитивных процессов внутренней жизни занимает значительное место в характеристике старика Билала. Нечто мистическое проступает в описании чудесного спасения героя во время грозы. В рассказе выражена мысль о необходимости чутко вслушиваться в тончайшие движения души, не всегда переводимые на язык логики. Обостренная восприимчивость, сложная ассоциативность мышления, склонность к предчувствиям, предсказаниям рассматриваются художником как признаки глубокой натуры. Переживания героя воспроизводятся в прямой субъективной форме. Снижение предметности психологического анализа привело к преобладанию выразительного принципа в изображении внутренних процессов. В рассказе «Трижды семь» А. Аминеву удастся сохранить хрупкую грань между реалистическим изображением и мистикой. С одной стороны, автор нейтрализует возможность мистического прочтения рассказа тем, что постоянно приземляет повествование, используя для этого реалистические детали. С другой стороны, автор отдает своего героя во власть чистой рефлексии, широко применяет символические и фантастические элементы.

Выдвигая в композиционный центр произведения образ старика Билала, писатель А. Аминев решил провести через поколения воплощенный в образах стариков мир неизменных духовных ценностей и соотнести его с миром реальным, подверженным резким, порой катастрофическим изменениям.

Во внешности героя повествователь отмечает аскетичность внешнего облика. Ни улыбкой, ни яркой деталью одежды, ни словом умиления автор не приукрасил внешность старика Билала. Он сосредоточил внимание читателя не на внешней, а на внутренней его красоте, на тех нравственных качествах, что не стираются временем, не изнашиваются. А. Аминев занимает не текучее в человеке, что изменяется, убывая год от года, а устойчивое, раз и навсегда данное. То, что видит, слышит и рассказывает старик Билал, касается не только обстоятельств его личной судьбы или судьбы башкирской деревни, но затрагивает судьбу всего Отечества. Рассказ Билал-карт – это история в лицах, в лицах ему родных, близких. Как утверждает Т. Гиниятуллин, «смерть башкирского старика Билала скорее близка к смерти дерева в лесу. Как дерево, Билал своими корнями весь в земле, в почве. Питаясь соками земли и солнечным теплом, он всю жизнь приносил только пользу, обогащал жизнь, как дерево обогащает воздух кислородом, а лес красотой» (3; 81).

Все содержание рассказа «Трижды семь» просвечивается через тему противоборства жизни и смерти. От этого бытийного центра идут лучи к ведущим образам рассказа, как бы выхватывая их из круговерти действительности. Восприятие жизни и смерти дается здесь таким, каким оно вышло из недр народного сознания. Решая в рассказе «Трижды семь» тему связи человека с землей, А. Аминев отобрал, проработал и возвел в степень художественности нравственные заветы и пророчества своего народа. Поиски жизненного идеала становятся у него поиском истоков национального характера, яркие черты которого несет в себе старик Билал – герой рассказа. В образе Билала, побеждающего смерть силой любви к жизни, воплощены стержневые идеи творчества башкирского прозаика: «Мимо дома гогоча прошла стайка гусей, залилась лаем соседская собачонка, видно, перебежала кому дорогу. Лежит Билал-карт (старик – А.А), помирать пора, а смерть все не приходит. То ли время еще не подошло, то ли цыганка обманула. Да, Билал, простак ты и есть, кому поверил, разлегся. Чем лежать, смерти ждать, лучше бы ты что-нибудь по хозяйству сделал» (1; 185). Характер старика Билала освещен у А. Аминева уважительным сыновним чувством. Писатель рисует своего героя, опираясь на глубоко залегающие пласты знаний о мире и человеке, постигает житейскую мудрость, унаследованную от поколений предков.

Свои мысли и надежды старик Билал выражает в духе народной психологии. Земля, вода, небо, деревья – все окружающее вовлечено им в мир собственных переживаний. Писатель переработал элементы народной фантастики, чтобы изобразить живой облик своего героя. Старик Билал – яркий представитель своего народа, поэтому симпатия автора к нему ярче всего раскрывается через область народнопоэтической культуры.

На основе синтеза национально-художественных и реалистических традиций башкирской литературы А. Аминев создает неповторимую картину мира в ее национальной

специфике. Фольклорно-мифологические и национально-художественные элементы, включенные в виде реминисценций, архетипов, широкое использование изобразительно-выразительных средств, выявляющих непосредственные контакты с традициями, раскрытие специфики национального характера являются основными способами создания национально художественного мира в рассказе «Трижды семь».

В общей интонации рассказа об одном дне обычного человека – старика Билала-пробивается жизнеутверждающее начало. Постигая внутренний мир обыкновенного, ничем не приметного колхозника, читатель соприкасается с неистребимой жизненной силой нации, питаемой корнями древнего мифологического, народно-карнавального мироощущения; мироощущения, которое способно противостоять всему. Источник целостности и гармонии старика Билала – в чувстве взаимосвязанности со всем миром, в ощущении себя частью целого, в одном ряду с травой, деревьями, животными. В целом, А. Аминев по складу своего таланта – реалист, тяготеющий к созданию образов большой емкости, к типизации, сочетающей жизненную достоверность и выразительность деталей с обобщением, поднимающимся до символа.

Список литературы

1. Аминев А. Китай-город. – Уфа: Китап, 2007. – 264 с.
2. Борисова И. Последний день Живчика // Первое сентября. – 2004. - №8. – С. 15-16.
3. Гиниятуллин Т. Другая литература // Бельские просторы. – 2007 - №11. – С. 75-81.
4. Домашнев А.И., Шишкина И.П., Гончарова Е.А. Интерпретация художественного текста. – М.: Просвещение, 1983. – 192 с.
5. Султангареева Р.А. Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа. – Уфа: Китап, 1998. – 243 с.
6. Фролов И. Бери да помни! // Бельские просторы. – 2007. - № 11. – С. 82-85.

Рецензенты:

Хасанов Р.Ф., д.фил.н., профессор кафедры русского языка, литературы и методики преподавания русского языка и литературы Бирского филиала ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Бирск.

Петишева В.А., д.фил.н., профессор кафедры филологии Бирского филиала ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Бирск.